

Брат за сестру отвечает

— Когда вы поступали в хореографическое училище, то проходили конкурсный отбор или этого не требовалось, поскольку фамилия открывала все двери?

— Отец нам с Андрисом часто говорил: "Помните, вы дети Лиепы. И то, что простится другим, не простится вам. К вам будут относиться более придирчиво и строго". Фамилия создавала только трудности, поэтому я не с первого раза поступила в училище. Никто сейчас не может сказать, было ли это сделано специально, то, что я набрала все баллы, но в результате определенной работы было сделано так, что я не поступила.

Хорошо помню, как отец вернулся из гастрольной поездки, тогда они длились два-три месяца. Я выбежала на балкон и увидела, что внизу остановилась открытая белая "Чайка". Из нее выходит отец в белом костюме, с развевающимися волосами. Я бегу вниз его встречать. И первый вопрос: "Ты поступила в училище?" А я растерянно отвечаю: "Сначала поступила, а потом не поступила".

Мне наняли педагога, я все лето с ним прозямалась. Наконец, поступила! Отец за меня жутко переживал. Наше с Андрисом отношение к нему было особенным, он казался принцем из сказки.

— А как складывались ваши отношения с братом? Вы ссорились? Или это была идиллия?

— Ссорились жутко, между нами шла настоящая война... Андрис старше меня на два года, но я ни в чем не хотела уступать. Если лезть на гараж, то первой... Наша борьба продолжалась до тринадцати лет. А потом Андрис на лето уехал в Ригу, я осталась в Москве, мы долго не виделись. Он уезжал нескладным подростком, с ломающимися волосами, пробирающимися усами, с непонятным цветом волос. А вернулся широкоплечим, загорелым красавцем с роскошными белыми волосами. Я тоже за это время изменилась, повзрослела. Когда я его увидела, просто остолбенела. "Ну, какая теперь конкуренция? Это бессмысленно и глупо".

Раньше Андрис стеснялся меня и ни когда со мной в училище не ездил, убегал. Ну как это — мальчик, а идет с девочкой. Я же переживала, мечтая,

Илзе Лиэпа: Отцу поставили условие — меня возьмут в Большой, если он оттуда уйдет. Он ушел, и меня взяли.

как бы было хорошо, если бы со мной рядом шел брат и я могла бы его взять за руку, обнять. Но подобная нежность исключалась. И вот, после того, как он вернулся из Риги, все изменилось, и Андрис стал моим руководителем в жизни.

Ночной разговор

— Это правда, что вашему отцу было поставлено условие руководством Большого театра, что вас возьмут в театр, если отец уйдет из него, уйдет на пенсию?

— Да. Отец ушел, и меня взяли в труппу. Это было мучительное время. Полтора года я числилась в мимансе, а тогда это был не настолько профессиональный коллектив, как сейчас, негде было заниматься. Я ходила на занятия то в Театр оперетты, то в ГИТИС. От переживаний потеряла форму, поправилась. Моя фамилия в тот момент была для меня клеймом. Не знали, как ко мне относиться. Дочка Мариса Лиэпы, артистка, который находится в конфликте с руководством Большого театра. Но были люди, и в театре тоже, которые меня поддерживали. Это было тяжелое время, но благодарное. Без того, что я пережила, не было бы меня сегодняшней.

— Роли вам в Большом театре давали?

— Все, что я там делала, было очень незначительным. Самые интересные мои работы на сцене Большого театра были в балетных вечерах Фонда Марисы Лиэпы, который мы создали вместе с Андрисом. Я танцевала "Шехеразаду" Фокина, которую для меня возродил Андрис. "Федру", которую для меня поставила замечательный хореограф Вероника Смирнова. Это то, что мне интересно. Мне неинтересно танцевать "Дон Кихот", мне неинтересно то, что идет на сцене Большого. Я ни в коем случае не принимаю уровень этих постановок, но мне интересно совсем другое. Может быть, поэтому я стала играть в драматическом театре.

— Профессия балерины — это не только жесткая дисциплина, самоограничения, каждодневный тренинг, но еще и жесткая закулисная борьба, битва за новую роль...

— Да. И это то, что я никогда не умела делать. Может быть, тоже в силу своей фамилии, или в силу характера, или потому, что так судьба складывалась. Я вспоминаю один разговор с Андрисом. У нас с ним было несколько подобных разговоров, которые начинались в одиннадцать вечера, а заканчивались в пять утра. Разговоров, многое определивших в моей судьбе. Я была на гастролях в Лондоне. Андрис выступал в Нью-Йорке. И вот я ему звоню и плачу в трубку, рассказываю, что приготовила маленькую партию, показала ее, а мне не дали танцевать. Что мне теперь делать? И он мне сказал: "А ты подумай, чего ты хочешь в жизни? Идти маленькими шажками по карьерной лестнице? Тратить силы на какую-то ерунду и плакать, что тебе не дают танцевать эту мелочевку? Это смысл твоей жизни? И когда я подумала, мне стало легко и просто. Я поняла, что хочу совсем не этого, а творчества.

Замечательные мужчины

— Как вы получили свой первый солидный концерт в Зале им. Чайковского, вы, в то время всего лишь кордебалетная танцовщица? Уверен, скажете, что судьба, и я вам...

— Скажу, что судьба, а вы можете не верить. В моей жизни ничто не говорило о том, что я могу сложиться как балерина, что у меня будет ни на ко

го не по-хожий путь. Сейчас меня можно называть какой угодно балериной, но я могу позволить себе роскошь думать, что я хочу. Танцевать ту хореографию, которая мне интересна. Но когда я только начинала... У меня нет такого железного характера, как у Андриса. Он мог, когда у него не было никаких шансов, получить спектакль, партию, а такое случилось, приходило в балетный зал и тупо, я повторю это слово, тупо заниматься. А я быстро впадала в отчаяние, когда не знала, ради чего все делается. Просто появлялись люди...

Так случилось и с моим первым творческим вечером. Появилась женщина, которая что-то во мне увидела. Она ходила на мои репетиции, когда в Большом театре готовился вечер Касьяна Голейзовского, и предложила мне, да-да, артистке кордебалета, не имеющей солидного репертуара, сделать творческий вечер. И мама, и все родные, и Андрис всплеснули руками и воскликнули: "Да как же это можно! Нет! Да еще так скоро!" Андрис меня убеждал, что такие вечера готовятся годами, и я, в общем-то, готова была поддаться на эти убеждения и отказаться. Но сила этой удивительной женщины — Александры Эммануиловны Чижовой — была фантастической. Она меня убедила, и я стала готовить вечер. Разговоров и слухов вокруг ходила тьма, но никто не говорил, что дочка Лиэпы устраивает себе творческий вечер. Говорили, что артистка кордебалета устраивает вечер. К счастью, у меня было так много проблем с самой собой, программа вечера была такой сложной, насыщенной, что мне было совершенно не до слухов. Но все прошло на редкость удачно. И этот вечер решил мою дальнейшую судьбу. Меня увидели хореографы, которые захотели на меня ставить, меня стали приглашать в концерты, начались гастролы.

— Но вряд ли вы могли тогда представить, что так далеко зайдете в своих поисках и окажетесь на драматической сцене. Кстати, она вас пугает?

— Того, кто выходил на сцену Большого театра, уже никакая другая не испугает. Сцена Большого — это такие фантастические переживания и ощущения. Ты стоишь в темноте, и вот взмах руки дирижера, и сейчас пойдет свет на тебя, и ты одна здесь, в этом гигантском пространстве, и этот золотой зал, и на тебя обрушивается волнение, которое никогда и нигде ты не испытаешь.

— Сцены вы не боитесь, а свою партнершу по спектаклю "Ваша сестра и племянник" Светлану Крючкову боитесь? У нее такой темперамент!

— Вы не поверите, но я не знаю, как на драматической сцене работать с женщиной. В спектакле "Сны Екаторина" я единственная женщина, а рядом два замечательных артиста. В спектакле "Ваша сестра и племянник" мы вместе с Крючковой в начале и в конце, где даже не смотрим друг на друга. Поэтому я не знаю, как общаться на сцене с женщиной, и стоишь ли ее бояться, я тоже не знаю. Но зато знаю, что общаться на сцене с мужчинами мне нравится.

Никто не предполагал, что она сделает себе имя и карьеру. Даже фамилия отца, легендарного танцовщика Большого театра Мариса Лиэпы, не гарантировал а успеха. Илзе ЛЕИПА начинала как артистка миманса, ниже этого в балетном театре ничего нет. Из такого подполья никому еще не удавалось вырваться. Ей удалось. Удачу, подаренную ей счастливым рождением в звездной семье, она жестко взяла в нежные руки и раскрутила по жизни, словно длинный шарф.

ПРОСТАЯ ДАМА С НЕПРОСТОЙ ФАМИЛИЕЙ

Надень глаза!

— Когда вы утром отправляетесь в танц-класс, то как одеваетесь? Есть ли у вас особый тренировочный наряд, свой цвет? Делаете ли макияж?

— Такой выход в театр, да?.. Для поколения моего отца это было событие. Мне рассказывала балерина Мариинского театра Наташа Большакова, как она приехала один раз танцевать в Большой. С отцом они дружили, выступали вместе. И вот утром она приходит в класс ненакрашенная. Отец подходит к ней и говорит: "Что это такое? Иди надень глаза!" Она: "Мариса!.. Он: "Иди надень глаза!" Он ее выгнал из класса — вернулась она уже в полном макияже. Тогда это было так. Они приходили в класс — Плещеева, Васильева, Годунов, Максимова, Лиэпа, — и для них было все важно, все имело значение. Кто в каком халате приходит, какая сумка на плече, как он одет. Это был театр... А как они общались, какие они отпускали реплики, как друг над другом подшучивали! Специально для класса они приберегали особенные истории. Сейчас этого нет. А для меня этого нет вдвойне. Мой приход в класс, конечно, сознательный, но при этом я стараюсь ничем не привлечь к себе внимания. И чтобы меня ничто не отвлекало. Поэтому я всегда одеваюсь в черное, и тогда есть возможность в этом многолюдье создать свою маленькую ауру и заниматься собой.

Вообще, что касается класса, то, представьте себе, мы приходим туда каждый день, делаем одни и те же упражнения в течение всей жизни под одну и ту же музыку! От этого можно свихнуться. Поэтому я стараюсь испытывать самые разные системы танцевального тренинга. Я люблю новые идеи, новые системы. У меня была своя гимнастика на полу. Если где-то на гастролях я вижу, как кто-то дает класс с другим акцентом, я его заучиваю. Потом я начала усиленно заниматься стопами: я хотела, чтобы у меня была грамотная стопа. Когда стопа становится пластичным и говорящим инструментом. Мы работали с хореографом Джилиан Линн, которая часто говорила: "Спроси его ногой". Чтобы "спросить ногой", должна быть очень хорошая стопа...

— Но эта стопа еще должна быть не только хороша собой, но и хорошо упакована, то есть обута. Считается, что самые лучшие балетные туфли шьют в мастерских Большого театра, — вы там заказываете обувь?

— В Большом — великолепные мастера, но я

танцую в туфлях американской фирмы "Капизио". Все идет вперед. Западные туфли и те материалы, из которых они выполнены, позволяют делать такие технические сложные вещи, которые в наших туфлях не станцуют. Эти туфли дают крепкий "пятанок" — отсюда появляется устойчивость, а мягкая стелька помогает ноге быть пластично более выразительной. И потом, это очень практичные туфли: я в них танцую каждый день около двух недель. А еще их можно стирать — да-да, с мылом и щеткой, раньше такое невозможно было представить... Постираю, высушу — и они как новые.

Важней всего — погода в доме

— Это правда, что с первым мужем, скрипачом Сергеем Стадлером, вас познакомил Андрис?

— Он и со вторым мужем меня познакомил.

— Надо же, какой заботливый! Сергей Стадлер вас не очень мучил скрипичной музыкой?

— Благодаря Сергею мои познания в музыке, конечно, расширились, но не настолько, как мне сейчас хотелось бы. Можно было узнать больше... Сергей — необыкновенно талантливый, интересный человек, и мне следовало быть более любознательной. Но... но... Знаете в жизни надо уметь расстаться красиво. Не важно, кто расстается — муж с женой, возлюбленные, друзья. Порой разрывают отношения по-хамски, когда не хочется вспоминать, встречаться, — во многом это следствие советского воспитания. Мы разошлись по-доброму, красиво, и в этом — заслуга Сергея, его особенный талант.

— Вы с ним встречаетесь?

— Да, конечно: в этой жизни все так близко...

— Теперь раскройте тайну второго брака: и как тут потрудились Андрис?

— Мой муж тогда работал в компании "Кока-Кола" — Андрис его знал, как-то во время их встречи зашел разговор о том, что компания собирается снимать рекламный клип с участием балерины. Андрис рассказал обо мне. Я пришла на собеседование по поводу ролика, который сейчас идет на телевидении: вода "Бон Аква". Так мы и познакомились.

А почему не выпить?

— Скажите, а хозяйственные проблемы бывают у балерины? Может балерина приготовить обед? Скажем, борщ?

— Я могу. Овощной борщ всегда прекрасно готовила, а еще великолепно выпекала всевозможные вкусности — торты, пирожные. Недавно сказала мужу: "Может, мне что-нибудь испечь, а то я давно этим не занималась..." Он мне ответил: "А зачем тебе все это нужно?" И я рада, что в нашей жизни это не становится проблемой. Правда, у меня есть замечательная помощница, которая помогает вести дом.

— Вы меня поражаете: какая выпечка, какие торты?! Балерина — это строжайшая диета, балерина всегда голодная, замученная, ни пить, ни есть, а 24 часа крутиться-вертеться...

— Это все не совсем так. Конечно, режим, тренинг... Но в каждодневной жизни всегда держаться на "пять" невозможно. Тут надо быть на "четыре" или "четыре с плюсом", а вот когда приближается спектакль — необходимо подбодриться и дойти до "пятерки". Время от времени мы все себе позволяем — конечно, в разумных пределах. Важно не опуститься до "двойки". Почему нам нельзя выпить?..

— Неужели выпиваете?

— Почему нет? Вчера были в гостях и пили чудное красное вино. Но когда готовлюсь к спектаклю, то живу сдержанно, даже аскетично.

Простенько, но со вкусом

— Но на сцене в вашем облике нет ничего аскетичного: вы так роскошно одеты, ваши наряды так декоративны и продуманны, что понимаешь: здесь поработал кто-то из модных кутюрье. Это так?

— Бывает по-разному. Скажем, костюм к "Кармен" мне сделал Андрис. Когда я станцевала премьеру "Кармен", то поняла, что это было неудачно. Андрис посоветовал мне купить черный бархат. Что я и сделала, а потом вместе с ним мы пошли в мастерские Большого театра — к моим потрясающим мастерам, которые меня обшивают на протяжении многих лет. Андрис и изумительный мастер Галина Александровна Бадаева начали на мне крепить ткань.

Андрис командовал: "Так, тут убрать, на бедрах подложить..." Юбку они мне срезали наискось, пусть по подолу чуть-чуть бахромы. Получилось потрясающее платье — закрытое, с глубоким горлом, с длинным рукавом и необычным вырезом на спине. Платье дало мне стиль — сразу пошла роль.

Интересной была встреча с Валентином Юдашкиным, которого отличало потрясающее владение профессией и безудержная фантазия. Он сразу готов предложить миллион вариантов. Была еще одна замечательная встреча — с художником Рустамом Хамдамовым. Он делал костюмы для балета "Федра" в постановке Вероники Смирновой. Это было удивительное время. Мы собирались у нас и часами обсуждали костюмные образы. Каким наслаждением было следить за неожиданными художественными всплесками Хамдамова! Он мог сказать: "Ты будешь такая: одна сторона красная, другая — желтая", или "Ты будешь: серое лицо, две серые косы с серыми бантами, серое платье и серые туфли". И как они — и Юдашкин, и Хамдамов — чувствуют движение, как подбирают ткань, особую, летящую, способную оттенить танец!

— Ваша Федра появлялась в костюме фантастического фиолетового цвета — такого горячего, расплавленного... В жизни вы бы рискнули в нем появиться?

— В жизни я люблю одеваться так, чтобы сливаться с толпой.

— У нас такая толпа, что сольешься — и все, конец...

— Ну и пусть. Главное, чтобы мне было удобно.

— И где такое удобство продается? У нас в Москве, на вещевом рынке "Динамо"?..

— Нет, в Петербурге, у художника-дизайнера Татьяны Парфеновой. У нее — очень естественные, функциональные вещи. А потом, я считаю, что все в жизни держится на взаимном влечении. Мне интересна Татьяна, поэтому и ее модели для меня — не что большее, чем просто платья или костюмы. Может быть, это наивно звучит, когда говоришь об одежде, но и в театре все, что я делала, рождалось в борьбе "за и против всех", а в увлеченности работой и друг другом.

Владимир КОТЫХОВ.